

ДИНАСТИЯ РУССКИХ КРАСАВИЦ

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Претендентка
на русский
престол

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии
Андрея Саукова, Филиппа Барбышева

Иллюстрация на обложке *Павла Трофимова*

Ранее роман выходил под названием
«Опальная графиня»

Арсеньева, Елена.

А85 Претендентка на русский престол / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Династия русских красавиц).

ISBN 978-5-04-098714-6

Стремясь вернуться домой из далекой Греции, куда занесла Лизу судьба, девушка попадает на судно, направляющееся в Италию. Здесь она знакомится с русской княгиней Августой и ее сопровождающими. Представившись княжной Измайловой, Лизавета становится лучшей подругой Августы. И даже не задумывается о том, что причина, по которой их компанию во время всего пути подстерегают смертельные опасности, кроется в происхождении ее благодетельницы. А возвращение на родину сулит Лизе лишь новые испытания...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098714-6

© Арсеньева Е., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.

Евангелие от Иоанна

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АВГУСТА-ЕЛИЗАВЕТА

ГЛАВА 1
РУССКАЯ КНЯГИНЯ

...Лиза невольно двигалась в воде, посылая вперед обломок дерева, но понимала, что скоро силы вовсе иссякнут, и это понимание не вселяло в нее страха. Волны швыряли ее, как Судьба. Сознание мутилось. Она давно утратила понятие о времени и только тупо удивлялась, обнаружив, что поднялся ветер и вокруг вздымаются пенные валы.

Еще одна волна подняла ее, и Лиза, запрокинув голову, увидела совсем близко жаркий взор солнца, глядящего на нее с просторного прозрачного неба. И взмолилась... Она о чем-то просила Бога — не о жизни, не о спасении даже, а о чем-то, что дороже жизни и выше спасения! Она не помнила теперь своей мольбы, помнила только, как вдруг снизу ее ударило с такой силою, что дух занялся, а обломок весла вырвался из окоченелых рук.

От сего могучего толчка Лиза пролетела несколько саженей по воздуху и, прежде чем снова погрузиться в изумрудную белопенную волну, успела увидеть далеко впереди черные зубчатые утесы, выступавшие в море.

Берег! Так вот отчего ярились волны! Они почувяли близость берега!

Она не успела вновь окунуться, потому что со всего маху шлепнулась на что-то мокрое, холодное, скользкое и широкое, будто плоский камень, внезапно поднявшийся из волн. Сдавленный стон вырвался из ее груди. И тут же «камень» под нею ожил, задвигался, сторбился, а потом вновь швырнул Лизу вперед и вверх. Вновь принял ее и вновь швырнул... И она уже не осознавала, когда же закончилась эта убийственная скачка по волнам. Новый толчок выбросил ее прямо на кромку берега, она не знала, было на самом деле или только мерещилось, что рядом все время выпрыгивало из моря иссиня-черное существо, будто мелькал большой внимательный молочно-карий глаз и словно бы всегда улыбающийся рот неведомой добродушной твари Божьей...

Лиза очнулась от острой боли во всем теле и долго-долго терпела эту боль, прежде чем поняла наконец, что лежит на мокрой гальке, которая беспощадно впиалась в грудь, живот и колени. Волны, которым удавалось дотянуться до нее,

жадно лизали раны, а все тело сотрясал страшный озноб.

Первым побуждением было отползти как можно дальше от воды: она боялась, как бы волны не утащили ее обратно в море. Лиза медленно двигалась вперед, повинуясь какому-то животному чутью, и свежий ветер подгонял ее прочь от моря.

Она вползла в щель меж двух обломков скалы. Перед нею лежала ровная, гладкая базальтовая плита. Когда Лиза заползла на нее и со стоном распростерлась, в ее тело медленно начало проникать живительное тепло.

Рокот моря почти не долетал сюда, ветер реял где-то в вышине, и Лиза тотчас крепко уснула, а может быть, рухнула в спасительное беспмятство.

Она очнулась вновь, когда солнце поднялось из моря и озарило округу, и поняла, что проспала чуть ли не сутки.

Выбралась на берег, огляделась и наконец-то смогла разглядеть, куда ее забросило на сей раз.

Она стояла в небольшой и уютной бухточке, почти полностью закрытой от моря скалистыми отрогами. Прямо с берега взбиралась на крутогорье и вилась по зеленым полям узкая лента дороги. Наверху она раздваивалась: одна тропка исчезала за увалом, вторая — вела к горстке домишек, притаившихся в сени приземистых дубов. Дале-

ко-далеко, заслоняя весь остальной мир, громоздились горы. Белые и прозрачные, словно туман. Над всей этой мощной крепостью природы раскинулось ярко-синее небо. Тишина и тепло. Воздух благоухал цветами, медом, дымком...

Пока Лиза счастливыми, повлажневшими глазами смотрела на эту мирную картину, на холме появился маленький ослик, навьюченный такою огромною вязанкою хвороста, что за этим ворохом не было видно погонщика.

Лиза вся подалась вперед, чтобы окликнуть его, и только тут сообразила, что она совсем голая. На ней и нитки не было!

В ужасе метнулась за камень, споткнулась, упала без сил.

Хотя бы глоток воды, чтобы смочить губы! Но воды не было. Жара, без сомнения, спасшая Лизе жизнь вчера, сегодня могла погубить ее. И ничего, ничего нельзя сделать. Совсем как там, в калмыцкой степи, год назад.

Год назад? Господи, да неужто только год назад?! Словно бы целая жизнь прошла.

Тогда ее спас Хонгор. А теперь? Кто придет, чтобы спасти ее глупую, никчемную, никому, даже ей самой, не нужную жизнь?

Радостное восклицание заставило Лизу наконец-то оторваться от воды. Женщина стояла рядом, взглядом выражая свое удовольствие при виде девушки, вполне вернувшейся к жизни.

— Матушка Пресвятая Богородица! — ахнула Лиза вне себя от изумления, не падая ниц только потому, что уже стояла на коленях.

Было от чего сойти с ума. Словно бы сама Пресвятая Дева смотрела на нее!

Смуглое, иконописное лицо со следами печальной и в то же время горделивой красоты; огромные карие очи, излучающие свет доброты; скорбные уста, впалые щеки, черный плат... Женщина разразилась целым потоком совершенно непонятных Лизе слов, и у той немного отлегло от сердца: они нисколько не напоминали турецкий язык.

Желая проверить внезапно мелькнувшую догадку, Лиза сложила пальцы щепотью и медленно перекрестилась, пытливо глядя в грустные карие глаза. Они тотчас вспыхнули, женщина торопливо осенила себя ответным крестом и крепко обняла Лизу, как мать обнимает дочь, воротившуюся после долгой разлуки. Вслед за тем женщина сняла свой платок — голова ее, с двумя толстыми косами, уложенными тяжелою короною, была совершенно седая — и ловко завернула Лизу в черную ткань.

— София, — женщина ткнула себя в грудь пальцем и вопросительно взглянула в лицо незнакомке.

— Елизавета, — повторила та ее движение. — Я русская...

Лицо Софии приняло при этих словах изумленное и недоверчивое выражение, потом из карих глаз хлынули слезы, и София принялась обнимать Лизу.

Теперь ей уже ничто не было страшно. Будто в полусне, сидела верхом на ослике, которого вела в гору простоволосая София. Свершился волшебный-тихий переход из дня в сумерки... Зрелище Божьего мира опьяняло Лизу, хотя картина его здесь была скупа: узкие полосы пастбищ, клочки полей, повсюду оливковые деревья. Кругом стояли каменные дубы; только отвесно падающие обрывы были защищены от их нашествия.

Во всем здесь чувствовалась властная рука Времени. Однако меньше всего уместны были здесь слова «седая старина». Эта земля была древняя, но и вечно юная, как свет небесный, как биение самой жизни — мир в начале бытия...

Лиза даже не заметила, как ослик добрал до белого низенького домика с плоской крышею, внутри которого София засветила претусклую масляную лампу и подала на стол пресный хлеб, козий сыр, оливки и похлебку с фасолью.

Лиза ела медленно, сонно уставясь на тонко округленный бок глиняного кувшина, из которого София наливала ей молоко, когда дверь вдруг распахнулась и в дом вошли низкорослый, кряжистый мужчина в черной куртке и бараньей шап-

ке, по виду крестьянин, и женщина, закутанная в черный плат. Она шагнула было к Софии, но, заметив незнакомку, застыла на пороге.

София, быстро погладив Лизу по голове, словно желая приободрить, метнулась навстречу новым гостям и торопливо заговорила, очевидно объясняя появление Лизы в этом доме. Мужчина то и дело перебивал ее короткими грубыми вопросами, грозя грязным, скрюченным пальцем; женщина молчала, но Лиза всем телом ощущала ее пыливый взгляд.

Разговор Софии и незнакомца становился все горячее, и Лиза поняла, что более не может оставаться безучастным предметом обсуждения этих людей.

— Я русская, — тихо молвила она, не надеясь, впрочем, что кому-то здесь есть до этого дело. — Я бежала с турецкой галеры, из рабства...

Вновь пришедшие переглянулись, затем мужчина выступил вперед и, пристально глядя из-под насупленных бровей маленькими черными глазками, спросил на ломаном русском языке:

— Пра-во-слав-но? Иисус Крис-тос?

Лиза ударила себя в грудь, истово крестясь:

— Да, да! Помогите мне, ради Господа Бога! Я хочу вернуться в Россию!

— Ты хочешь в Россию? — переспросила женщина, забавно выговаривая русские слова. — Это далеко. Это опасно. Здесь Греция. Остров Ски-

рос. В Греции османы. Ты можешь снова попасть к ним.

— Османы?! — Лиза поникла на лавке. — Да где их нету, проклятущих?

— Не бойся. В нашем селении их сейчас нет. Но тебе не стоит здесь оставаться; они часто навешиваются сюда. Сегодня ночью уходит фелука... идет в Италию. Там будут русские. Они пробираются домой. Хочешь присоединиться к ним?

— Хлоя! — предостерегающе воскликнул мужчина, но Лиза не дала ему договорить.

— Да! Хочу! Конечно! — страстно воскликнула она, подскочив к женщине и обняв ее так жарко, что покрывало соскользнуло с ее лица, открыв прелестные молодые черты.

Мрачно молчавший мужчина повернулся к девушке и обменялся с нею несколькими словами, которые были переведены Лизе лишь через несколько дней. Но если бы она сразу услышала их по-русски, они все равно мало что объяснили бы ей.

— Ты можешь накликаешь беду на всех нас, Хлоя! — сказал крестьянин с тревогою.

Девушка твердо ответила ему:

— Отец, госпожа никогда не простила бы мне, что я оставила в беде ее соотечественницу. Будем молить Господа, чтобы нам не пришлось в этом раскаиваться...

Наступила ночь. Все четверо спустились на берег. Спиридон (так звали черноглазого крестьянина, оказавшегося мужем Софии и отцом Хлои) нес какую-то тяжесть. София подождала охапку хвороста, приготовленного днем. Греки напряженно всматривались в тяжело вздыхавшую тьму, которая была морем и слившимся с ним небом. Лиза, одетая в такую же домотканую юбку и рубаху, закутанная в такой же платок, какие носили София и Хлоя, тоже уставилась в даль, не ведая, что должно явиться оттуда, но всем сердцем готовая к новым переменам в своей судьбе.

Вдруг Хлоя тихонько ахнула, вцепившись в Лизину руку. В следующий миг та и сама увидела колеблющийся огонек, услышала осторожные шлепки весел по воде.

— Это он! — промолвил Спиридон с облегчением, бросаясь вперед, чтобы помочь лодке пристать.

Лицо человека, сидевшего на веслах, было во все неразлично. Хлоя, Спиридон и София наперебой начали ему объяснять что-то по-гречески, но Лиза сразу поняла, что речь снова пошла о ней, злосчастной... Ее пронизал мгновенный ужас оттого, что, возможно, этот человек не пожелает взять ее с собою. Но он, не проронив ни слова в ответ, поднял со дна лодки свой фонарь и поднес к самому лицу Лизы, одновременно удерживая ее